

**КАТЕГОРИЯ СОВЕСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ПРОБЛЕМОЙ
УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Н. К. Панько

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 апреля 2019 г.

Аннотация: рассматриваются понятия истины и совести в уголовном судопроизводстве. Предпринимается попытка осмысления того, что такое совесть как категория жизнедеятельности индивида, общества и как понятие уголовного процесса, заложенное законодателем в принцип свободы оценки доказательств. Анализируется соотношение понятий истина, совесть. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что совесть в уголовном процессе как инструмент оценки доказательств не должна использоваться законодателем.

Ключевые слова: уголовный процесс, оценка доказательств по уголовному делу, совесть, истина.

Abstract: the concepts of truth and conscience in criminal proceedings are considered. An attempt is made to understand what conscience is as a category of the individual's life activity, of society, and as a concept of criminal procedure laid down by the legislator in the principle of freedom of evidence. The relationship between the concepts of truth and conscience is analyzed. The conducted study allows to conclude that the conscience in the criminal process as a tool for evaluating evidence should not be used by the legislator.

Key words: criminal process, evaluation of evidence in a criminal case, conscience, truth.

В отрыве от истины совесть – не более чем глупость, она достойна сожаления, но никак не уважения.

Уинстон Черчилль

В отличие от действующего УПК РФ установление истины представляло собой цель доказывания в советском уголовном процессе. В соответствии со ст. 243 УПК РСФСР 1960 г. «председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, устраняя из судебного разбирательства всё, не имеющее отношение к делу, и обеспечивая воспитательное воздействие судебного процесса»¹.

Доказывание есть процесс познания истины по расследуемому и рассматриваемому уголовному делу. Чтобы правильно разрешить дело, необходимо установить, найти по делу истину – объективную истину, т. е. установить в полном и точном соответствии с действительностью само со-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бытие преступления, виновность определенного лица в совершении этого преступления и все обстоятельства, определяющие степень ответственности этого лица за содеянное, или же убедиться в обратном². Это познание истины представляет собой сложный процесс: доказательства собираются и проверяются, затем происходит их оценка. Понятие «истина», как уже было сказано, в уголовном процессе Российской Федерации не употребляется. Закон прямо не ставит задачу выявления истины по делу, не обязывает суд устанавливать объективную истину по каждому уголовному делу. Ряд ученых и практиков отмечают, что отступление от установления объективной истины при производстве по уголовному делу имеет весьма порочные последствия, такие как: 1) возможное осуждение лиц, не виновных в совершении преступления; 2) возможный способ оправдания нерадивого, халатного отношения к исполнению соответствующими должностными лицами своих служебных обязанностей; 3) формирование у граждан негативного отношения к правоохранительным органам, неверия в их способность раскрывать преступления, устанавливать и изобличать виновных лиц³. Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин предложил ввести в УПК РФ институт установления объективной истины и по этому поводу пояснил корреспонденту «Российской газеты» следующее: «Введение в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысит степень доверия граждан к правосудию. Но этот традиционный институт уголовного судопроизводства, доказавший свою ценность на протяжении многих лет, остался в стороне от внимания разработчиков УПК РФ, который вступил в силу в 2002 г. Основные доводы сторонников исключения объективной истины из уголовного процесса сводились к тому, что этот институт является пережитком прошлого; в уголовном процессе, в отличие от научного познания, объективная истина недостижима и наконец, в условиях состязательной модели уголовного судопроизводства этот вид истины вообще становится не нужным»⁴. С этой позицией сложно согласиться; представляется правильной иная точка зрения, согласно которой «...установление истины ни в коей мере не идет вразрез с принципом состязательности сторон. Напротив, построение судебной системы на основе такого принципа способствует установлению истины. Состязательность позволяет в наибольшей мере выявить, исследовать все обстоятельства, имеющие значение для дела. Она помогает исключить однонаправленность исследования преступления, рассмотреть одно и то же деяние под разными углами зрения, что и позволяет суду составить правильное представление о существовании дела, установить истину. Утверждать же, что

---

² См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 295.

³ См.: *Зинатуллин З. З.* Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 26–27.

⁴ Рос. газета. Федер. вып. № 58(5731). 2012. 16 марта. URL: <https://rg.ru/2012/03/15/bastrykin-site.html>

суд не способен на это, значит оправдывать осуждение невиновных лиц, а также снижать стандарты доказанности обвинения»⁵. Представляется верным, направленным на реальное (а не формальное) эффективное функционирование уголовного судопроизводства, следующий подход к проблеме: «Отрицание необходимости установления истины в уголовном процессе подрывает основные устои судопроизводства, делает его не только бессмысленным, но и бесполезным. Отсутствие в УПК определения истины как цели доказывания указывает на изначально обвинительный уклон законодательства»⁶.

В настоящее время можно вести речь об установлении по уголовному делу не объективной (материальной) истины, которая как достоверное знание достигается с помощью доказательств, а формальной (юридической) истины, которая заключается в соответствии выводов суда материалам уголовного дела. Доказывание невозможно без определения необходимых критериев, на основании которых производится оценка доказательств по уголовному делу.

Выявилась, на наш взгляд, алогичная законодательная комбинация: УПК РСФСР 1960 г. предписывал устанавливать истину по каждому уголовному делу, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием (ст. 71 УПК РСФСР), а в соответствии с УПК РФ истину устанавливать не надо, но при оценке доказательств необходимо руководствоваться не только законом, но и такой нравственно-этической категорией, как совесть.

В ч. 1 ст. 17 УПК РФ закреплено, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Проанализируем каждый критерий оценки доказательств.

Убеждение, согласно толковому словарю русского языка, это прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-нибудь, точка зрения⁷.

Лица, оценивающие доказательства по уголовному делу должны быть твердо уверены в том, что то или иное действие или решение – правильно, т. е. полностью верно, соответствует действительности. Но отсутствие законодательной официальной трактовки внутреннего убеждения, механизмов его образования является источником для индивидуально-умозаключения каждого, кто сталкивается с уголовным процессом на практике и при изучении теоретических вопросов. Должностные лица,

---

⁵ Цит по: Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 276.

⁶ Стародубова Г. В. Установление истины в уголовном процессе. Воронеж, 2010. С. 38.

⁷ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 821.

ведущие процесс, выполняют разные процессуальные функции; перед ними законодатель ставит неодинаковые задачи. В разделе 2 УПК РФ произведена классификация участников уголовного судопроизводства в зависимости от выполняемых ими процессуальных функций. Разделение форм участия в зависимости от основных направлений деятельности обусловлено положениями принципа состязательности сторон. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо. У должностных лиц, производящих расследование по делу и поддерживающих обвинение в суде, есть прямое назначение – привлечь виновное в совершении преступления лицо к уголовной ответственности. У суда же совершенно иная задача – очень внимательно взвесить все представленные доказательства и вынести юридически грамотное итоговое решение по делу. В соответствии с вышесказанным, можно вести речь о разнообразии внутренних убеждений в рамках уголовного судопроизводства.

Положение законодателя о руководстве законом при оценке доказательств по уголовному делу не вызывает сомнений и является бесспорным с точки зрения законодательной регламентации (ст. 7 УПК). Здесь речь идет не о качестве закона (пробелы, коллизии и т. д.), и не о правоприменительной практике, а о существовании вполне устойчивой и конкретной правовой конструкции. Ясность в этом вопросе абсолютно не исключает споров между сторонами уголовного судопроизводства по толкованию и применению норм материального и процессуального права. Более того, разница в правовой оценке конкретной жизненной ситуации (обстоятельств и процессуального оформления, квалификации совершенного преступления) сторонами защиты и обвинения и пытается обеспечить реализацию важнейшего принципа уголовного процесса РФ – состязательности.

Законодательное положение о руководстве должностными лицами, ведущими уголовный процесс совестью, не является таким же ясным и понятным. Законодатель дал определение таким понятиям, которыми мы оперируем в рамках уголовного судопроизводства, как «алиби», «близкие родственники, родственники и близкие лица», «ночное время» и т. д., но не определил что такое совесть, на которую **обязаны** опираться должностные лица, оценивающие доказательства и принимающие решения по уголовному делу.

Толковый словарь русского языка определяет совесть как чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом⁸.

В ст. 28 Конституции РФ закреплено: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные

---

⁸ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 741.

и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»⁹. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» определение совести отсутствует¹⁰. Нельзя не заметить, что совесть, точнее имеющееся скудное упоминание о ней в законах, идет в тесном религиозном сопровождении. Законодатель рассматривает свободу совести только в качестве права исповедовать любую религию или быть атеистом, что также не проясняет весьма запутанную ситуацию с совестью, так как в соответствии со ст. 14 Конституции РФ – Российская Федерация является светским государством: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В таком государстве религия, ее каноны и догматы не вправе оказывать влияние на государственный строй, на деятельность государственных органов и их должностных лиц, а также другие сферы деятельности государства.

Во всех мировых религиях, несмотря на различия, выявляются общие постулаты, такие как: удерживаться от зла, не причинять вреда, жить праведной жизнью, относиться к другому человеку, как к себе; понимание того, что исходящее от человека зло и нечестность к нему рано или поздно вернутся. Видный религиозный деятель современности в своем обращении к жителям Архангельска сказал: «Богу было угодно так создать человека, что человек может развиваться как личность, и общество может совершенствоваться только в том случае, если законы общества и законы личной жизни человека соответствуют закону нравственности. Человек может не знать Библии, не прочитать ни одной священной книги, а жить по этому общему нравственному закону, потому что этот закон заявляет о себе голосом нашей совести. Совесть – это удивительное состояние. Ни одна философская концепция не может внятно объяснить происхождение совести. Все материалистические объяснения совести – абсолютно неудовлетворительны. Потому что совесть – это голос Бога. И совесть – есть показатель того, живет по нравственному, Божьему закону или он по нему не живет»¹¹.

Но как было сказано выше, Российская Федерация является светским государством, и оперировать религиозной концепцией в контексте определения понятия совести в сфере уголовного судопроизводства не представляется возможным.

Можно обратиться к профессиональной этике, которая зародилась в рамках конкретного вида деятельности, возникла как проявление повседневного морального сознания, создала и продолжает создавать стандарты профессионального поведения. Различные виды профессиональной

---

⁹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹⁰ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 05.02.2018). URL: legalacts.ru (дата обращения: 23.03.2019).

¹¹ Выступление Патриарха Московского и Всея Руси в Архангельске от 23 августа 2009 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1199055.html>

этики имеют свои традиции, которые основываются на общечеловеческих моральных нормах, но обязательно учитывая специфику отношений в каждой конкретной сфере профессионального труда. Уголовное судопроизводство является ответственной сферой профессионального труда, и «отдавать на откуп» общечеловеческим моральным нормам – оценку доказательств по уголовному делу должностными лицами – выглядит, по меньшей мере, несерьезно.

Стоит отметить, что ученые предпринимают попытки обозначить совесть как научную категорию. В статье, опубликованной в рамках Международной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии», обосновывается новая область знаний: «совестология», с ее структурными элементами. Автор предлагает рассматривать совестологию как подсистему философии и философии культуры¹². Им обосновывается позиция, согласно которой совестология – это самостоятельная область знаний, которая исследует наиболее общие проблемы совести в жизнедеятельности личности и общества. Совесть как онтологическое понятие и как духовное явление имеет свои историко-социальные истоки, существует и проявляется по собственному специфическому закону. Истоками совести изначально являются знания, присущие каждому народу. Как морально-ценностное явление совесть, по мнению автора, становится внутренним регулятором, мировоззрением; совесть есть социальное явление общества, индивиду дается через самопознание и познание системы табу. Совесть есть внутреннее отражение социальной организованности общества, внутренний порядок личности. По мнению автора, содержание и понятие совести, включаясь в общественные отношения, исключает вероломность, зло, жестокость, войны. Совесть – это такой социальный инструмент, который позволяет решать сложные вопросы человечества мирным путем. Словом, совесть – это концентрированное выражение добра, связанное с конкретной гуманной этикой. Эту социальную упорядоченность, направленность, это социальное соответствие в жизнедеятельности людей можно назвать законом совести¹³. Автор также указывает, что знание моральных и правовых норм жизни и их сознательное соблюдение есть проявление закона «социального соответствия» (совести), и этот закон открывает путь свободы, которая идет от общества к личности, сверху вниз. Такой процесс социальной эволюции, сопровождаемый самооценкой, рефлексией совершенного, можно назвать законом проявления совести, в рамках которого самооценка личности должна совпадать с оценкой общества. Обратное этому понятие есть «социальное несоответствие».

Наука «совестология» находится в рудиментарной форме и опереться на нее в вопросе определения совести пока не представляется возможным.

---

¹² См.: *Егоров А. В.* Совестология как научная область знаний (о культуре совести) // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : материалы XLIV Междунар. науч.-практ. конф. № 1 (44). Новосибирск, 2015.

¹³ См.: Там же.

В процессе поиска определения совести мы соприкасаемся с философскими, психологическими, социальными и религиозными учениями. Но для юриспруденции эта ситуация является безвыходной: для того чтобы принять решение по уголовному делу, должностное лицо обязано оценить доказательства с точки зрения совести, но определить, что такое совесть, законодатель не счел нужным. Более того, есть все основания сомневаться, что законодатель способен определить категорию совести применительно к уголовному судопроизводству. В связи с этим можно с уверенностью утверждать следующее: категория – совесть в уголовном процессе – это фикция, ложь, нечто не существующее. Конечно, имеется в виду не сама совесть как способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности и реализовывать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершаемых ею поступков, а совесть как часть из арсенала средств, используемых наряду с законом для оценки доказательств по уголовному делу.

Одной из фундаментальных работ, посвященных совести и ее видам, является работа немецкого социолога, психоаналитика Эриха Фромма «Человек для себя. Исследование психологических проблем этики». В этом исследовании Э. Фромм разграничил совесть на «авторитарную» и «гуманистическую»¹⁴. Согласно этому разделению, авторитарная совесть – это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Интериоризация (от фр. *interiorisation* – переход извне внутрь, от лат. *interior* – внутренний) – формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности. Для психоаналитиков интериоризация – это психический процесс или ряд процессов, посредством которых взаимоотношения с реальными или воображаемыми объектами преобразуются во внутренние представления и структуры¹⁵. Если отношение людей к авторитетам остаются внешними, не имеющими этической санкции, мы едва ли сможем говорить о совести; такое поведение просто соотнобразится с требованием момента, так как регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение. Хотя авторитарная совесть отличается от страха наказания и надежды на вознаграждение, их самое важное сходство заключается в том, что предписание авторитарной совести определяется не ценностными суждениями самого человека, а исключительно тем фактом, что ее повеления и запреты заданы авторитетами. Свое содержание авторитарная совесть получает из повелений и запретов авторитета; ее сила коренится в эмоциях страха перед авторитетом или в восхищении им. Чистая совесть – это сознание, что авторитет доволен тобой.

---

¹⁴ См.: Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / пер. Л. А. Чернышовой (Erich Fromm. Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964. URL: <http://golubinski.ru/socrates/fromm/fromm4/txt09.htm>

¹⁵ См.: Популярная психологическая энциклопедия. М., 2005. С. 282.

Гуманистическая совесть, по мнению Э. Фромма, – это не интериоризованный голос авторитета, которому мы жаждем угодить и чьего неудовольствия страшимся; это наш собственный голос, данный каждому существу и не зависящий от внешних санкций и поощрений. Какова природа этого голоса? Почему мы слышим его и почему можем стать глухим к нему? С точки зрения ученого, авторитарная и гуманистическая совесть представлена по отдельности с тем, чтобы продемонстрировать их основные характерные свойства. В реальности они во всяком человеке не разделены, не взаимоисключающие, напротив, каждый человек обладает обеими «совестями». Проблема в том, чтобы распознать силу каждой из них и их взаимоотношения. Гуманистическая совесть представляет не только выражение нашего подлинного Я; она вмещает также суть нашего морального опыта жизни. В ней заключено знание о цели нашей жизни, о принципах, посредством которых мы добиваемся ее; о тех принципах, которые мы открыли сами, и о тех, которым научились у других людей и признали истинными. Гуманистическая совесть – это выражение личного интереса и целостности человека, тогда как авторитарная совесть имеет дело с послушанием, долгом, самопожертвованием или «социальной приспособленностью» человека. Различие между гуманистической и авторитарной совестью не только в том, что первая развивается независимо, а последняя формируется культурной традицией. Конечно, у них много различий и для человека очень важно, чтобы общие элементы этих систем действовали наиболее слаженно.

Нельзя отрицать то, что в практике принятий решений в рамках уголовного судопроизводства любая декларативность, не ограниченная четкими, ясными определениями законодателя, открывает возможность вольному и индивидуальному толкованию, что в свою очередь практически безоговорочно повлечет за собой злоупотребления и нарушения. Возникает ряд вопросов, связанных с понятием совести в уголовном процессе. Например, допустимо ли в жалобах на промежуточные и итоговые решения должностных лиц, указывать на их «бессовестное» поведение или на принятие ими «бессовестных» постановлений, определений и приговоров? Другая проблема – наличие совести и желания, а то и возможности действовать в соответствии с ней. Эти понятия не идентичны, одно автоматически не вытекает из другого. В соответствии с приведенными выше определениями полагаем, что совесть является способностью субъекта к нравственному самоконтролю и моральной саморегуляции в соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства и нормами профессиональной этики (судебной, прокурорской и т. д.). Если рассматривать совесть в действии, в динамике (это представляется более актуальным по сравнению со статическим понятием), то наличие ее выражается в стабильном, неизменном и нравственном стремлении человека соответствовать моральным нормам поведения, которые сформировались в обществе.

Из всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы:

– в юридической теории и в практике пока не удалось прийти к какому-то однозначному выводу, что такое совесть;

– тот понятийный аппарат, который вообще «держит» определить понятие совести, анализирует и синтезирует ее, не имеет никакого отношения к правовой науке. Этим понятием занимаются философы, социологи, психологи и религиозные деятели. В юриспруденции отсутствует понятие совести в отличие от, например, **правосознания**, которое определено как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях¹⁶;

– исходя из того, что фактически и **юридически** совесть является категорией неопределенной, то и руководствоваться ею при оценке доказательств по уголовному делу невозможно;

– проблема установления истины по уголовному делу получила свое разрешение в действующем УПК РФ как «неустановление истины». Выше были указаны точки зрения ученых и практических работников, которые рассматривают данное законодательное положение как порочное, подрывающее основные устои уголовного процесса, делающее его бессмысленным и бесполезным. Отсутствие в УПК РФ определения истины как цели доказывания указывает на изначально обвинительный уклон законодательства. И наличие ст. 15 УПК РФ не меняет ситуацию, так как стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, но никак не равноправны в процессе доказывания, а именно в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу. Некоторые ученые-процессуалисты высказали мнение о том, что истина перестала быть целью уголовного процесса, установление ее по уголовным делам больше не требуется, а для постановления приговора достаточно вероятного знания¹⁷. Такой точки зрения придерживаются и большинство практических работников, ссылаясь на закон, который не обязывает их устанавливать объективную истину; суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. В контексте указанной законодательной и, следовательно, правоприменительной позиции по неустановлению объективной истины, употребление понятия совести при оценке доказательств по уголовному делу, на наш взгляд, выглядит неуместно.

Оценивать доказательства по уголовному делу, руководствуясь совестью, является утопичной идеей, что очевидно способствует проявлению отчуждения закона от интересов общества. Проявление разобщенности принимаемых законов и интересов общества наносит непоправимый урон законодательной деятельности государства. Совесть, являясь индивидуальной особенностью личности, переносится в таком же специфическом качестве и в правоприменительную деятельность, что вызы-

---

¹⁶ См.: Российская юридическая энциклопедия. С. 761.

¹⁷ Цит. по: Комментарий к УПК РФ (вводный) / под ред. В. Т. Томина. М., 2002. С. 36.

вает весьма негативные последствия для уголовного судопроизводства. Немецкий философ, автор труда «Философия права», Георг Вильгельм Фридрих Гегель выразил следующую мысль, которую невозможно оспорить: «Совесть в отличие от законов бесправна в государстве, ведь если человек взывает к своей совести, то у одного может быть одна совесть, а у другого – другая».

Воронежский государственный университет

Панько Н. К., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: nkpanko@mail.ru

Voronezh State University

Panko N. K., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department

E-mail: nkpanko@mail.ru